

Политический театр эпохи буржуазных революций: рождение гражданина

Автор: И. Б. ФАН

Фигура гражданина - одна из основ системы представительной демократии и западноевропейской цивилизации в целом. Оптимальное соотношение публичного и частного в бытии западноевропейского человека XVIII-XIX вв. стало одним из существенных условий возникновения феномена гражданина. Гражданин рождается "на публике" без развитой публичной сферы (зоны свободы - слова, критики и т.д.), обособленной от сферы частной жизни, он не может включиться в политический процесс. Публичность - существенное свойство демократической политики и гражданина как ее субъекта. Гражданин - политико-правовая роль (функция, ипостась) личности, заключающаяся в актуализации ее политической автономии и свободы, в участии в публичной жизни общества. Историческое выделение этой роли предполагает определенную экономическую, моральную, правовую и духовную автономию личности, наличие возможности и способности личности отделять роли частного и общественного (государственного) человека. Исполнение каждой из этих ролей подразумевает опору на институциональные условия (конституционный статус гражданина, статус субъекта гражданско-правовых отношений и т.д.) и соответствующую ментальную оснастку.

Роль гражданина формируется всеми каналами и институтами публичной сферы, являющимися воплощением этоса гражданственности (публичности), - нормами, правилами, манерами поведения на публике, предполагающими театральную отстраненность от всего частного (приватного, интимного). Этос публичности как искусство - продукт истории западноевропейской культуры. Его эволюция связана с повышением роли масс-медиа, информационных технологий, опосредующих взаимодействие граждан и государства и определяющих характер и направленность существования публичной сферы.

Исследование российской специфики соотношения публичной и частной сфер жизни человека - один из аспектов решения более общей проблемы становления феномена гражданина как ключевой фигуры политической системы представительной демократии в России. Недостаточность теоретической разработки этой тематики в значительной мере отражает сложность решения острой для России реальной проблемы: является ли номинальный российский гражданин действительным субъектом публичной политики? Для сомнений в положительном ответе на данный вопрос имеется доста-

---

Фан Ирина Борисовна - кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии и права УрО РАН.

точно оснований. Тем более насущным представляется анализ необходимых социокультурных условий становления гражданина.

В России в силу исторических традиций граница между частной и публичной жизнью человека никогда не была достаточно определенной в социальном и политико-правовом смысле. До сих пор сохраняется недифференцированность этих сфер, отсутствуют и ценностно-нормативное содержание, и институциональные рамки их существования. С провозглашением в конце 1980-х гг. гласности, идеологического и политического плюрализма и открытости возникли надежды на формирование публичной сферы. Но к настоящему времени произошло сворачивание даже ее начальных форм и ресурсов. Социологи констатируют "фактическую деполитизацию политического пространства в стране" [Левада, 2004, с. 11], переход от политических к административно-технологическим методам управления, включающим контроль над СМИ, манипуляцию общественным мнением и имитацию публики. С формированием квазипубличной сферы исчезают всякие условия и для открытых политических дискуссий на важные для общества темы, и для реальной политической конкуренции. Таким образом, отсутствуют и политические гарантии частной автономии граждан.

Особое функционирование публичной сферы и ее элементов - общественного мнения, прессы (массмедиа) и публики - напрямую связано с особенностями осуществления процедуры легитимации власти в России. Вместо функции перевода установок, ценностей, интересов разных слоев населения на уровень открытых дискуссий и публичной политики российские массмедиа стали средством манипуляции общественным мнением. Принимаемые парламентом ("формальной публикой") решения в интересах высшего слоя бюрократии представляются как демократические, усыпляя бдительность масс риторикой "социально ориентированной политики" и популистскими обещаниями в виде национальных проектов и т.п. Публичная сфера в России настоящего времени оказалась под контролем одной силы, ставшей единственным субъектом политики. Объектами конструирования со стороны Кремля стали практически все формальные публичные институты - парламент, политические партии, общественные объединения и организации, объектом манипуляции - общественное мнение ("неформальная публика"). Публичная политика фактически вытеснена монологом властных структур. Публичная сфера лишена открытости и механизма представительства интересов и мнений разных социальных групп. Общество может лишь внимать и взирать на действия и ритуалы, в которых сценарий, режиссер и актеры подобраны центром. Это совсем не тот театр, который был свойствен европейской политике эпохи буржуазных революций или даже сегодняшнему дню европейцев. Глубокого исследования ждут следующие проблемы, связанные с особенностями российской публичной сферы: отчуждение рядовых граждан от политики, низкий уровень гражданского участия; диффузное состояние общественного мнения; невыполнение парламентом целого ряда функций в силу отсутствия в нем политической оппозиции; ограничения в деятельности массмедиа, отсутствие их открытости, спонтанности и плюрализма; несформированность этоса публичности для населения, и другие.

В научной литературе и исследовании проблемы исторического становления российского гражданина, и анализ эволюции публичной и частной сфер жизни индивида пока выглядят фрагментарными. Рассмотрение институциональных аспектов проблемы - институтов гражданского общества, государства и т.д. - превалирует над исследованием культурно-содержательных, ментальных. В результате обособленного изучения разных сторон одной проблемы, доходящего до их разрыва, феномен гражданина либо редуцируется к функции институтов гражданского общества и правового государства, либо представляется в виде духовного (идейного) существа, не связанного с институциональной средой собственного существования. Тот и другой путь способствует формированию абстрактного образа гражданина.

Целостное сравнительно-историческое исследование комплекса социокультурных оснований, конкретно-исторического контекста, предпосылок и условий становления западноевропейского и российского гражданина ждет своего часа. Данная статья - по-

пытка движения в этом направлении. С помощью методологии социокультурного анализа социальных явлений оказывается возможным исследовать исторические условия зарождения и механизм воспроизводства феномена западноевропейского гражданина Нового времени. Это осуществимо посредством инвариантной функциональной модели гражданина, которая включает культурное (ментальное), институциональное и личностное измерения феномена [Фан, 2006, с. 51]. В данной статье социокультурный контекст феномена гражданина исследуется преимущественно под углом зрения специфической реализации соотношения частного и публичного в его бытии.

Рождению и воспроизводству феномена гражданина способствуют повторяющиеся процессы взаимодействия культурных и институциональных форм, или эволюционирующий взаимопереход ценностного содержания этоса гражданина, бытующего в массовой и индивидуальной ментальности, в систему институтов представительной демократии. Возможность вскрыть этот механизм взаимного перехода этоса гражданина и демократических институтов друг в друга (или механизм социокультурной динамики власти, или механизм формирования и воспроизводства феномена гражданина) дает социология знания, представленная работами П. Бергера, М. Дюверже, Т. Лукмана. Посредством понятия объективации можно объяснить процесс конструирования социальной реальности. Как структурные элементы социальной реальности, как упорядоченная и организованная в целостность "совокупность идей, верований и обычаев" (Дюверже) социальные институты являются типизациями социальных действий и отношений, задающими их правила, границы и направление. Действия и отношения индивидов мотивируются дотеоретическим элементарным знанием (ментальностью) о социальной и политической реальности. Это знание представляет собой "совокупность правил поведения, моральных принципов и предписаний, пословицы и поговорки, ценности и верования, мифы и т.п." [Бергер, Лукман, 1995, с. 109]. Следовательно, формирование и воспроизводство социальных институтов - в данном случае институтов представительной демократии - обусловлены возобновляющимся циклом типизации действий индивидов, определяемых их ментальностью - этосом гражданина.

Установление режима функционирования демократической системы власти требует постоянного воспроизводства и составляющих ее институтов, и питающего их этоса гражданственности. Режим воспроизводства институтов государства и гражданства действует в той мере, в какой знание в возвратно-поступательном движении проходит циклы объективации и субъективации, экстернализации и интернализации. Способом поддержания устойчивости институтов представительной демократии и гражданства (как практики отработки и реализации двусторонних прав-обязанностей гражданина и государства) является процедура легитимации. "Через процедуру легитимации, ее когнитивный и нормативный аспекты, вскрывается субъективное измерение социальной реальности вообще, институционального порядка в частности". Пространством осуществления этой процедуры и всего цикла объективации-субъективации является публичная сфера: "...институциональный порядок реализуется в актах коммуникации, осуществляемых посредством языка" [Скоробогачкий, 2002, с. 179, 180]. Общественное мнение, пресса и публика в Новое время стали важнейшими факторами коммуникации и социокультурной динамики власти, обеспечивающими легитимацию публичной власти и придающими ей форму представительной демократии.

Общественное мнение в Новое время стало не зависимой от официальной власти структурой, равномошной ей. Нижний "этаж" общественного мнения составляла совокупность разговоров, ведущихся в кофейнях, клубах и т.д. В такой коммуникации уничтожались сословные различия и устанавливались периодически возобновляемые отношения равенства [Сеннет, 2002, с. 194]. Здесь истоки генезиса некоторых политических партий [Дюверже, 2005, с. 23]. Верхний его уровень определяли мнения экспертов - общественных и политических лидеров, теоретиков и идеологов. Пресса, тиражирующая общественное мнение, становилась способом производства и смены власти, влияющим на ход избирательного процесса, на функционирование власти в период между выбора-

ми, на установление той или иной иерархии ценностных приоритетов. Эволюционируя, пресса приобретала все большую власть над процессом социализации личности.

Публика как субъект коммуникации - неформальная общность граждан, существующая в пространстве гражданского общества и задающая нормы и стереотипы публичной жизни. Жизнь кофеев управляла система речевых и поведенческих знаков: определенная манера разговоров на публике, ориентированная на общие темы; театральность, условность, демократизм общения (готовность к общению, игнорирование дифференцирующих факторов - стиля одежды, различий во внешнем облике, личных мотивах, биографии, социальном статусе); активное восприятие слова (знака); язык как знаковая система, отделенная от личности говорящего; способы чувствования, мышления и поведения на публике. Эти нормы создавали особый, присущий лишь XVIII - началу XIX в., баланс частного и публичного в бытии человека и общества.

Установившаяся граница между публичным и частным стала стержнем организации общества в XVIII в. Люди эпохи Просвещения почитали природу, в том числе и природу человека, за божество. Частный (естественный) мир определялся общностью симпатий - чувством сострадания и внимания к нуждам других независимо от их социального положения. Логическим следствием подобных воззрений стала идея естественных прав человека. Но публичное поведение предполагало отстраненность от самости человека и было связано с ощущением неоднородности общества. Публичная сфера, вбиравшая в себя тенденции культуры, формировала систему равновесия в обществе, определяла нормы и стиль политического поведения, задавала нормы устройства семьи и ограничения полномочий государства. "Подобное восприятие, выраженное в терминах противопоставления частного/природы и публичного/культуры, означало, что между двумя сферами существовали скорее отношения взаимозависимости и взаимоограничения, нежели непримиримого противостояния. Частная сфера влияла на сферу публичную, ограничивая контроль условных правил выражения эмоций над чувством реальности; вне этих границ человек имел свою собственную жизнь, способы выражения эмоций и права, над которыми были не властны никакие условности. Но и публичная сфера выступала в роли корректирующего фактора. Естественный человек был животным... публичная сфера исправляла природный дефект... отсутствие цивилизованности" [Сеннет, 2002, с. 103].

Публика XVIII - середины XIX в. в отличие от "народа-избирателя" представляла собой рассредоточенную общность людей, возникающую вследствие сходных реакций на события общественной жизни и ощущающих информационную и культурно-психологическую близость. Формируемая общественным мнением и прессой публика служила связующим звеном между гражданином и системой представительной демократии. Как феномен городской цивилизации, порожденный столицами, публика характеризовалась следующими чертами: стремлением к эгалитарности, разрушению сословных границ, ориентацией на усредненные образцы мышления и поведения, возникающие в результате смешения сословий; подверженностью влиянию значимых событий, мнений, идей, персон, олицетворяющих эти мнения; эмоциональной и интеллектуальной отзывчивостью и импульсивностью; склонностью к "идеализации повседневности", "одухотворению сферы частного" путем облечения собственных интересов в теории и "возвышения их страстями" [Тард, 1998, с. 274]; амбивалентностью - сочетанием открытости новому (идеям либерализма, демократии, общего блага и прогресса); способностью к осуществлению и трансляции опыта разрешения конфликтов, с одной стороны, и консерватизма и манипулятивности - с другой. В сфере экономики того времени главным условием бытия гражданина были конкуренция и различные формы насилия (Н. Элиас), разобщающие людей. Но, становясь частью публики, гражданин оказывался в поле чувства сопричастности единому, где обособленные частные интересы отступали на второй план. Общественное мнение становилось устойчивым средством достижения общественного согласия, инструментом политики.

Общественное мнение, публика и пресса выступали в качестве каналов, опосредующих ментальное и институциональное измерения феномена гражданина. Распространяя

этос гражданина, ценностные ориентации, стереотипы разрешения конфликтов, типичные мотивации, поведенческие установки и т.п., публика формировала новые отношения и кодексы поведения, служила живым способом социализации граждан, способствовала усвоению ими роли активного участника общественных событий. Становясь анонимной частью публики и выражая собственную эмоциональную сопричастность общим проблемам, индивид играл роль публичного человека - гражданина. "Публичный человек - актер", процесс его самовыражения на публике есть "театральное представление эмоций" [Сеннет, 2002, с. 120]. Одновременно происходило взаимное отделение ролей частного и публичного лица и сфер их действия - "дома" и "улицы". Свидетельством дифференциации публичного пространства на сферу публичного и частного стало появление специальной домашней одежды, обособление семьи, открытие детства как особого периода жизни, и т.д.

Общественное мнение существенно отличается от идеологии, основывающейся на противопоставлении идеала и действительности и стремлении к возвышению действительности до уровня утопии [Скоробогачкий, 2002, с. 184]. Растворяя идеологические проекты в повседневной реальности, общественное мнение составляет социокультурное пространство зарождения политических процессов, которое служит постоянным средством косвенного контроля и страховки от идеологического и практического радикализма политических движений и партий. Диффузное и изменчивое мнение публики создает почву для социально-политического и идеологического плюрализма. Публика качественно, содержательно представляет средние слои населения, распространяет их образ жизни, правовые, политические, этические, эстетические вкусы, предпочтения, установки, стереотипы действия и мысли, типичные схемы поведения и социальные практики. Своим происхождением и последующим социально-политическим значением средний класс обязан именно публике. Среди условий формирования среднего класса как социальной основы представительной демократии особую значимость имеют цивилизационные факторы социализации личности в соответствии с требованиями политической системы. Эта система "подгоняет" семью, образование, массовую культуру и досуг под цели производства среднего "морального" гражданина, исправно выполняющего свои функциональные обязанности.

Духовным источником легитимации власти формирующейся представительной демократии выступала добродетель гражданина (гражданский этос), своим происхождением обязанная религиозному авторитету власти. Добродетель - "любовь к законам и отечеству", "постоянное предпочтение общего блага личному" [Монтескье, 1999, с. 27] - означает признание разумности законов государства и возникающего на их основе политико-правового порядка, то есть патриотизма, чувства справедливости (права) как начала правосознания и лояльности. Она формируется традициями самоуправления и вырастает на основе доверия гражданина к обществу, готовности к социальному сотрудничеству. Эти моральные и правовые принципы составляют основания демократической политики Нового времени.

Этос гражданина является продуктом развития культуры и обладает собственной логикой эволюции, но в немалой степени это еще и результат идеологической обработки общественного мнения. Наличие альтернативных политических сил и идеологий в Новое время порождало многообразие версий гражданственности - либеральной, консервативной, марксистской, социал-демократической и т.д. Содержание той или иной версии этоса обусловлено его историческим "возрастом", состоянием восхождения или упадка и социокультурным контекстом. Под воздействием преобладающих стилей в искусстве и культуре эти версии приобретали романтический или реалистический характер. В искусстве XVIII-XIX вв. представлены различные образцы индивидуальной и коллективной борьбы за свободу и достоинство, субъектности в отстаивании прав, предназначенные для ролевой идентификации граждан. Но в этом многообразии этоса гражданина обнаруживаются и черты сходства, обусловленные установками либерализма. Признание автономии личности и гражданина как ее политического "лица" стало символическим и отчасти реальным актом наделяния гражданина политической вла-

стью. Гражданин стал рассматриваться в качестве автономной единицы политической системы, институциональная функция которого состоит в участии в процессе делегирования собственной власти "представителям", а культурная функция - в участии в процессе легитимации власти, осуществляемой гражданским обществом или нацией. Этим была обеспечена лояльность гражданина по отношению к государственной власти. Произошло, с одной стороны, разделение и взаимоопределение частной и публичной, экономической и политической, правовой и моральной, религиозной и светской сторон жизни гражданина, а с другой - соединение всех его ипостасей: как частного и публичного лица, члена гражданского общества и нации-государства, элемента института гражданства и носителя национальной культуры.

Дух гражданственности многолик, амбивалентен и конечен в энергетическом и временном плане. Он рождается в эпохи революций и национально-освободительных войн. Эволюция духа Французской революции 1789 г. - классический пример для западной цивилизации. Поначалу он отмечен общностью целей, жертвенностью служения республиканским идеалам, массовым воодушевлением, романтизмом, преданностью вождям, верой в осуществимость утопических целей, воинственным стремлением защитить идеалы революции. Лидер ирландского демократического движения, искавший у французской Директории военной помощи, свидетельствует: "На первых порах Франция показалась мне нацией гражданской доблести, новыми Афинами... нацией победителей... республиканская армия представляла вооруженную нацию" [Андерсен, 1988, с. 197]. В такие моменты формируется этос республиканца-демократа, этический стержень которого составляет понятие чести и достоинства гражданина республики. Искусство облачает революционный этос в античные одежды. Массой овладевает жажда творчества, страсть к переименованиям и перевоплощениям. Меняются названия улиц, площадей, общественных зданий: "Пале Руаяль" становится "Дворцом равенства", на фронтоне церкви появляется надпись "Французский народ признает Верховное существо и бессмертие души" [Андерсен, 1988, с. 195]. Но в зависимости от характера действующих лиц, носителей духа, он принимает разные обличья - героизма, духа наживы, смуты. Демократический дух "отчества революции", став новым основанием для деления нации на "своих" и "чужих" (и она распалась на партии аристократов и демократов), вызвал к жизни новые формы жестокости к врагам революции, создал хаос, из которого так противоречиво рождался новый порядок - конституционный строй представительной демократии. Сила духа, пробудившего стремление к свободе, равенству, братству во всех слоях европейских и иных наций, вызвала волну страха и репрессий со стороны монархических режимов.

Однако за стихийным импульсом революционного духа видится и роль "искусственно вызванного воодушевления" - воздействие театрализованных представлений и новых ритуалов на ход революции и последующие события. Т. У. Тон отмечает феномен театрализованной политики этого времени и описывает зрелища, свидетелем которых он был. Республиканская трактовка шекспировского "Отелло" потребовала правки текста в соответствии с тем, что "нравственность французской нации не может допустить трагического финала". В театрах и церквях ставились "патриотические" пьесы. Опера "Подношение свободе" в соборе Парижской Богоматери предстала в виде ритуала подношения цветов представителями угнетенных народов к алтарю перед статуей Свободы. Ритуал сопровождался "гражданскими" песнями, "Марсельезой", выносом трехцветного знамени, строем национальных гвардейцев и актерами в греческих одеяниях. Оперу венчал призыв хора: "К оружию, граждане!". Практиковались также торжественные действия "внесения юношей в списки избирателей" и призыва в армию. Тон подчеркивает умение властей устраивать торжества: заказывать их талантливым исполнителям, оформлять портретами кумиров, политиков, героев дня (цит. по [Андерсен, 1988, с. 198]). Театральные действия часто воспринимались как отражение самой революции, их правдоподобность достигалась повсеместностью представлений, искренней игрой актеров, изображавших французских граждан, "берущихся за оружие, чтобы спасти свою отчизну от рабства". Этим обеспечивалась психологическая идентификация зрителей с

ролью идеального гражданина нации-государства. Условная игра приносила вполне ощутимый эффект, но лишь на время.

Спад духа гражданственности во Франции начал ощущаться довольно скоро при столкновении с подлинной реальностью и нетеатрализованным лицом политики. Обострились внешние и внутренние проблемы республиканского правительства, обнаружились долги Директории и бюрократизация новой власти. Нация оказалась обессилена войнами, сопротивлением местного населения "освободителям". Контрибуции и установления генералов воспринимались как "покушение на неотъемлемые права народов". Постепенно выявилось несходство французов с возвышенными героями античности, нарастало безразличие масс к политике - скука от "Марсельезы" и патриотических балетов, раздражение от беспорядков, обнищания, утрат. Безучастное отношение народа к призывам роялистов или ультрареволюционеров определялось желанием "спокойствия во что бы то ни стало". Выяснилось, что "нация, познавшая свободу", становится способной изменить ей.

Новоевропейский этос, культивируемый властью, имел два вектора: к нации, идентифицируемой в качестве публики, и к отдельному гражданину - персоне. Первый вектор схватывается понятиями "дух нации", "национальная идентичность", "национальное самосознание", "культура гражданской нации", "политическая культура нации", в содержание которых включаются "чувство национальной идентичности, религия, социальное равенство, склонность к образованию гражданского общества и исторический опыт наличия либеральных институтов" [Фукуяма, 2004, с. 333] или "распределение образцов ориентаций относительно политических объектов среди членов нации" [Алмонд, 1999, с. 561]. Второй вектор описывается понятиями "гражданская идентичность", "ментальность гражданина", "политическая культура гражданина", "гражданская культура" [Almond, 1963]. Оба ряда понятий служат целям легитимации власти. Отсюда двойственность гражданского этоса. Различные грани новоевропейского этоса передаются понятиями "буржуазность", "цивилизованность", "гражданственность", каждое из них обладает двойным смыслом, имеет свое раннее - позитивное и позднее - сниженное значения.

"Дух нации" - понятие, которое создает специфическое нововременное взаимоопределение полюсов одной из ведущих в модели гражданина бинарных оппозиций - оппозиции *свои-чужие*. В нем фиксируется смена основания противопоставления своих и чужих: место христианского этоса с его антитезой *христиане-нехристиане* занимает секуляризованный "дух нации" - политического сообщества граждан. Теперь "Мы" ("свои", "друзья") - это нация, самоопределяющаяся относительно других наций, идентифицируемых как "Они" ("чужие", "враги"). Западноевропейский этос гражданственности - светская, или гражданская, "религия", комплекс индивидуального и национального самосознания, который включает рациональное и чувственно-эмоциональное восприятие нации и гражданина в качестве суверена, автономного субъекта политики, права, религии и морали.

Специфическая разновидность данного этоса - "американское кредо". Основу американской национальной идентичности составляет англо-протестантская культура, включающая политические и социальные институты и практики, унаследованные от Англии, в том числе английский язык, идеологию и ценности протестантов. Идеология либерализма - рациональный вариант "американской души", того эмоционального содержания национальной ментальности, которое порождается "кровью и почвой", "совокупностью ритуалов, гимнов, практик, этических заповедей и запретов, литургий и пророчеств". Она определяется "общей историей, традицией, культурой, общими героями и злодеями, победами и поражениями, воплощенными в памяти", практическим опытом, привычками, обычаями участия в демократических институтах и представляет собой смешение этнических и расовых признаков, общего языка, культуры и религии [Хантингтон, 2004, с. 105].

Ядром гражданственности является рациональное отношение (доверие) к государственной власти, признание ее легитимности, то есть политическая лояльность гражданина, подразумевающая его способность к деятельному участию в политической жизни

общества. Гражданский этос немислим без исторического опыта самоорганизации, солидарности и участия граждан в функционировании институтов местного самоуправления и представительства, традиционно присущего западным обществам. Содержательным основанием этой "гражданской религии" выступают ценности индивидуализма, демократии, патриотизма и национального достоинства. Национальное самосознание - чувство идентичности гражданина и нации, ощущение нации как круга "своих". Один полюс его составляет политическое сознание национально-государственного единства граждан, другой - восходящий к этническому пониманию нации этнонационализм, опирающийся на дотеоретические, дорефлективные уровни психики, связанные с бессознательными ощущениями кровного родства. У ценности достоинства нации - разные степени интенсивности проявления: от комплекса национальной неполноценности до умеренного национализма, проявляющегося в конкуренции наций-соседей, и, наконец, до экспансионистских устремлений комплекса национального превосходства (цивилизаторской миссии).

Понятие этоса позволяет выделить нормативно-ценностное содержание в социально и политически локализованных социокультурных практиках. Этос представляет собой смешение идеально должных представлений о политической реальности, существующих в теоретической, идеологической и нормативно-правовой формах, и повседневных политических нравов (обычаев, практик) общества, основанных на представлениях о реально должном в политике. Этос составляют исторический опыт самоорганизации и солидарности, обыденные стереотипы восприятия, оценок, мнений, типичные практики и схемы морального, правового и политического действия; степень повседневной цивилизованности.

Гражданственность - практически духовное комплексное качество политической культуры как единства политической ментальности и политического поведения, присущее активной части граждан нации. Она включает когнитивные, аффективные, оценочные и поведенческие компоненты и проявляется в установках к реально должному политическому поведению. Гражданственность характеризуется сочетанием элементов теоретического, эмпирического и обыденного уровней политического сознания и опыта социально-политической деятельности. Взлет духа гражданственности относится к периоду XVIII-XIX вв. Характерной чертой западноевропейской культуры этого времени было равновесие публичной и частной жизни гражданина, основой которого стала идея трансцендентной природы человека, унаследованная от религии. В массовой ментальности это проявлялось в убеждениях людей в зависимости от общественных и государственных дел, от усилий социальных групп и отдельного человека. Вера в непосредственную жизнь человека, вытеснив веру в богов, еще сохраняла императивы нравственности и самоограничения личности в проявлении интимных импульсов на публике. Личность, обладающая внутренним нравственным законом и судом, ответственностью и властью над собой, выступала в качестве социального принципа, равновеликого нации и государству.

В этос, или содержание социальной роли, гражданина Нового времени входит комплекс предписаний, предъявляемых к отдельному члену гражданского общества и государства-нации. На основе суждений Элиаса о признаках цивилизованности можно выделить следующие требования к ментальности индивида:

- способность к рациональному самоконтролю, самоограничению и самопринуждению, вырабатываемая посредством разнообразных форм внешнего принуждения. Этот "аппарат внутреннего контроля" включает также подсознательные и бессознательные механизмы;

- способность к упорядочиванию и рационализации инстинктов и эмоций посредством механизмов "моделирования аффектов" в соответствии с нормами и стандартами цивилизованности, способность к субординации мотивов во внутреннем "Я" личности;

- способность направлять ценностные ориентации личности на достижение отдаленных целей деятельности;

- способность к рациональному расчету во всех сферах жизни, включая социальные, правовые и политические отношения;
- способность к рефлексии;
- развитое гражданское политическое и правовое сознание;
- приверженность моральным обязательствам и долгу [Элиас, 2001, с. 107].

Исполнение роли гражданина зависит от уровня и степени автономности правосознания личности, которое характеризуется таким усвоением цивилизационных ценностей, норм и образцов поведения, когда они воспринимаются как внутреннее достояние личности. Подчинение требованиям, заключенным в роли гражданина, является для индивида результатом его собственного выбора и свободной воли, выступает как добровольное самопринуждение. Автономное правосознание проявляется через законопослушность, которая опирается как на правовые традиции и привычки правоприменения в профессиональной деятельности и повседневной жизни, так и на "предправовые" уровни нормативной саморегуляции морального, нравственного и религиозного характера. Отсюда впечатление "самозаконотворчества" правосознания личности [Бачинин, Сальников, 2000, с. 243]. Столь сложная социальная роль требует интеграции этих качеств воедино. Отсюда необходимость в личности, способной не только к адаптации к существующим обстоятельствам, но и к преобразованию их в соответствии с собственными потребностями, интересами, целями. Возникновение внутренней потребности и готовности регулярно исполнять роль гражданина ("государственного человека") в публичном пространстве связано с возникновением личностного самосознания, с осознанием себя в качестве субъекта прав. Установка на легальный способ реализации политических и гражданских прав, присущая основной массе населения, фиксирует массовое рождение гражданина.

Реальное появление личности такого типа на общественно-политической сцене Европы Нового времени зафиксировано философией. И. Кант провозгласил абсолютную моральную ценность личности. Достоинство человека, наделенного разумом, способность добиваться цели с сознанием возвышенности своих моральных задатков - такие самосознание и самооценка есть долг перед самим собой. Отсюда максима: "Не допускайте безнаказанного попрания ваших прав другими" [Кант, 1999, с. 832]. На этой ментальной установке массового индивида держится вся система реализации прав гражданина в Западной Европе. В определении понятия "личность" Г. Гегель ввел свободу воли, способность к самосознанию и рефлексии в качестве условий свободы и становления личности "собственностью себя самой". Личность для него - один из принципов существования гражданского общества. Это был "принцип самостоятельной внутри себя бесконечной личности единичного человека, субъективной свободы..." [Гегель, 1934, с. 81, 211, 214].

Личность, эмпирическое "я", характер, нацеленные на преодоление конечности человека, в фаустовской культуре выступают основанием и смыслом человеческого бытия. Отсюда значение человеческой воли во всех формах западноевропейской культуры. Посредством воли "я" стремится господствовать над "не-я" [Шпенглер, 1993, с. 344, 465]. Воля к власти над чужим обеспечивается волей к власти над собой, обусловленной разумом. Человек ощущает себя субъектом жизни и действия, "господином" над собой, вещами и другими людьми. Любой вариант западной этики - религиозный, научный, политический - претендует на всеобщее значение. Этика долга, основывающаяся на моральных императивах, представляется западным людям единственной и подлинной моралью. Но за этим стоит лишь борьба за существование, воля к власти как ее наивысшее выражение с готического времени лежит в основе западной культуры.

В политике Нового времени одновременно действуют две тенденции - к интеграции общества и к профессиональной специализации. В первом смысле политика служит средством установления общественного согласия и инструментом достижения Общего Блага. Она играет роль, подчиненную целям существования общности, и в этой функции нуждается в трансцендентном средстве подтверждения ее полномочий. Вторая тенденция - к дифференциации политики, права и морали, к выделению политики в каче-

стве обособленной сферы деятельности политиков-профессионалов, к элитарности. Здесь политика начинает служить способом разделения общества. Когда культура обретает светский характер и основанная на ней политика перестает обеспечивать единство общества, то есть побеждает тенденция к обособлению политики и элиты в качестве единственного субъекта общества, управление становится частным делом профессионалов и вырождается в технологию и технику власти. Это чревато разрушением модели политики как системы представительной демократии и модели гражданина как исходной основы и функции этой системы.

Первая функция политики связана с проблемой легитимации власти. В XVIII в. место трансцендентного источника власти занял народ-гражданин и его волеизъявление. Однако допущение общей воли народа, направленной к Общему Благу и рассматриваемой как сумма волей граждан, сталкивается с противоречием частного и публичного, с сомнительностью аксиомы о том, что для гражданина всегда большей моральной ценностью обладает общее, нежели частное благо. Идеализация "естественного индивида" сопровождается фабрикацией общей воли со стороны политической элиты. Обладая монополией на информационную власть, на конструирование иерархии ценностей, элита стремится партикулярные интересы правящего класса выдать за универсальное Общее Благо. Тем не менее народ санкционирует политическое господство элиты, поскольку именно "элита является 1) носителем культурного образца, по мерке которого формируется публика, 2) источником идей и суждений, транслируемых средствами массовой информации в виде общественного мнения, и 3) субъектом культуры государственного управления, его опыта, традиций, принципов и технологий" [Скоробогачкий, 2002, с. 193, 194].

Реальное состояние политических институтов представительной демократии, в том числе роль элиты, определяется спецификой ментальности граждан - верованиями, убеждениями, чувствами, идеями, ценностями, исторической и культурной традицией сочетания личной свободы и местного самоуправления с властью государства. В системе представительной демократии принцип личной свободы доминирует над принципом равенства. Конкретный режим функционирования политических институтов обусловлен ценностным статусом личной свободы в культуре данного общества. Характер и развитие культуры обеспечиваются элитой как динамичной группой людей, служащей инициатором движения информации - предмета общественного мнения. Поэтому именно элита - субъект творчества новых ценностей, составляющих этос гражданственности и являющихся верхним уровнем массовой ментальности, именно она выступает в Новое время в качестве реального субъекта социокультурной динамики власти, а политическая система благодаря ей - в виде элитарной модели представительной демократии.

Новый анализ и синтез полюсов оппозиции *частное-публичное* был найден и в ментальном, и в институциональном плане. Гегелевское различие понятий человека, бюргера (гражданина) и частного лица стало основой разграничения сфер публичной и частной жизни индивида. В результате отождествления понятий бюргера и частного лица в понятии гражданина Гегелем было выделено два значения: бюргера как частного лица и члена гражданского общества (буржуа), отношения которого регулируются преимущественно частным правом, и бюргера как публичного лица, члена государства [Riedel, 1972, S. 34]. Это разделение создавало возможность рассмотреть конкретного человека как обладающего двойным статусом - субъекта частного права и субъекта государственного права, а также увидеть в гражданине основу синтеза понятий гражданского общества и государства. Философско-правовые идеи Канта и Гегеля стали идейным источником развития теории права, создания и совершенствования западноевропейских конституций и гражданских кодексов, зафиксировавших конституционный и частноправовой статусы гражданина.

Медиация полюсов оппозиции *частное-публичное* осуществлялась в разных сферах - религии, морали, праве, политике и на разных уровнях социального, в том числе в виде соотношения ролей частного и публичного человека в жизни отдельной личности.

Законодательное разграничение публичного и частного права фиксирует взаимное обособление государства и экономики. Государство, использующее положительное право как средство своего господства, ограничено правовой средой гражданского общества, где действует закон, устанавливающий и выражающий нормы субъективного права. Основой положительного права является принцип презумпции невиновности, сформулированный Т. Гоббсом. Правовая среда сферы гражданского общества используется государством лишь в целях обеспечения режима систематической реализации субъективных свобод частных лиц. Поначалу субъективные свободы распределены неравномерно между населением, однако порождаемая социальной борьбой тенденция к формальному равенству на протяжении XIX-XX вв. распространяет их на все население. Процесс отделения частного права от публичного приводит к тому, что взаимно определяются три ипостаси отдельного гражданина, зафиксированные Кантом: как "человек" он обладает свободой, как "подданный" он равен каждому другому, как "гражданин" он обладает самостоятельностью. Устанавливаются юридическое равенство, человеческая свобода, политический суверенитет гражданина. Отделение частного права от публичного способствует достижению отдельным гражданином самой сути частной автономии.

Новый способ медиации был осуществлен и в оппозиции *господство-подчинение*. Решение проблемы институционального осуществления народного суверенитета предстало в виде ряда теорий - разделения властей (Дж. Локк, Ш. Монтескье), представительного правления (Ф. Гизо, Д. С. Милль), парламентаризма (К. Шмитт), системы сдержек и противовесов, и т.д. Но эта же оппозиция была обращена к личности. Тезис Локка о господстве над собой довел до совершенства Кант. Говоря о том, что "каждый - господин самого себя", он противопоставил "власти природы в нас" "власть культуры (морального закона, разума) в нас". Власть человека над собой дает ему основу автономии во внешних отношениях с другими людьми. Этическое учение Канта о началах открывается частью, трактующей "обязанности по отношению к самому себе". Долг человека перед собой заключается в сохранении себя как морального существа - "в запрещении лишать себя внутренней свободы", в сознании себя "идеальным лицом, созданным разумом для себя, или абсолютно моральным существом - богом". С этим связаны требование обладать "внутренним судьей", или совестью, как "субъективным принципом ответственности перед богом за свои поступки" [Кант, 1999, с. 811, 812, 834] и обязанность моральной рефлексии. Следовательно, гражданин есть суверен, подобный государству, в котором законодатель, исполнитель и судья совмещаются в одном лице. Предел суверенности гражданина - суверенность другого гражданина: "...то, что есть долг человека перед самим собой, считать долгом перед другими" [Кант, 1999, с. 837]. Долг перед собой Кант расценивает в качестве религиозного долга. Это та точка в культуре Нового времени, абсолютизация которой ведет к ницшеанскому "сверхчеловеку", становящемуся противоположностью морально ответственного человека; за этим следует угасание этоса новоевропейского человека и гражданина.

Феномен гражданина в каждом конкретном государстве специфичен в силу особенностей и результатов его генезиса и эволюции - институциональной структуры (конституции политической системы, партийной, избирательной систем, институтов местного самоуправления и т.д.) и характеристик политической культуры и ментальности гражданина. Но за уникальными чертами феномена высвечиваются и его универсальные характеристики. Для становления и воспроизводства феномена гражданина национального государства важен механизм перевода ментальных характеристик модели в институциональные. Это связано с качеством социокультурного контекста, со сферой публичности, которая делает возможным рождение и воспроизводство феномена гражданина, создает пространство проявления его субъектности. Наличие плюралистичной публичной сферы, регламентируемой нормами правовой и политической культуры, - "разных типов обработанного общественного мнения" (Дюверже), свободных СМИ, общественности в виде объединений граждан, свободы публичных мероприятий, автоно-

любом государстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алмонд Г. Гражданская культура. Политические установки и демократии пяти наций // Политология: хрестоматия. М., 1999.

Андерсен К. М. Франция времен Директории в "Дневниках" Т. У. Тона // Французская революция XVIII века. М., 1988.

Бачинин В. А., Сальников В. П. Философия права. Краткий словарь. СПб., 2000.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.

Гегель Г.-В.-Ф. Философия права // Г. -В. -Ф. Гегель. Соч. Т. VII. М.-Л., 1934.

Дюверже М. Политические партии. М., 2005.

Кант И. Основы метафизики нравственности. М., 1999.

Левада Ю. Свобода от выбора? Постэлекторальные размышления // Вестник общественного мнения. 2004. N 2.

Монтескье Ш. О духе законов. М., 1999.

Сеннет Р. Падение публичного человека. М., 2002.

Скоробогачкий В. В. Социокультурный анализ власти. Екатеринбург, 2002.

Тард Г. Мнение и толпа // Психология толпы. М., 1998.

Фан И. Б. От героя до статиста: метаморфозы западноевропейского гражданина. Екатеринбург, 2006.

Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2004.

Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004.

Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. Образ и действительность. Новосибирск, 1993.

Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 2. Изменения в обществе. Проект теории цивилизации. М. -СПб., 2001.

Almond G. The Civic Culture. Princeton, 1963.

Riedel M. Buerger, Staatsbuerger, Buerkertum // Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. Band I. Stuttgart, 1972.